

УДК 069(470–25)“18”

Елена Иванова,

ученый секретарь, начальник управления
научной и методической деятельности Российской
государственной библиотеки (РГБ), канд. ист. наук

К 150-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ МОСКОВСКОГО ПУБЛИЧНОГО И РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЕВ

В статье раскрываются предпосылки создания первого публичного музея Москвы, организационная структура этого учреждения, формы и способы формирования коллекций. Характеризуется деятельность Московского публичного и Румянцевского музея как культурного и просветительного центра страны.

Ключевые слова: Румянцевский музей, Московский публичный музей, Дашковский музей, Н. Румянцев, Е.Ковалевский, Н. Исаков.

Весной 1862 г. в «Московских ведомостях» появилось давно ожидаемое жителями города объявление: «С воскресенья, 6-го мая, залы Публичного Музея в бывшем доме Пашкова будут открыты посетителям для обозрения» [1]. Это событие, по свидетельству современников, стало «самым знаменательным из текущих явлений московской жизни» [2]. Открылся первый по-настоящему общедоступный музей Москвы. Строго говоря, он не был первым музеем Первопрестольной. К моменту его появления существовала и Оружейная палата, и Дом бояр Романовых. Некоторые из многочисленных московских коллекционеров разрешали обозревать свои собрания, хотя круг допускаемых к ним посетителей, безусловно, был ограничен. (Известны примеры основания частных музеев, но их век обычно был недолог.) В середине XIX в. все больше привлекали публику кабинеты Московского университета, а его библиотека выполняла функции общедоступной библиотеки города ввиду отсутствия таковой. Существовали библиотеки и при других учебных заведениях, и при книжных магазинах. Но все эти собрания не могли удовлетворить все возрастающую потребность в доступном для всех культурном и научном центре. В течение первой половины XIX в. число проектов создания в Москве общедоступного музея и библиотеки возрастало, однако не получало воплощения. На фоне общественного подъема конца 50-х – начала 60-х годов нерешенный вопрос о публичном музее встал

с особой остротой. При этом необходимость его существования начинает обосновываться со всё более широких позиций. На страницах прессы тех лет можно встретить немало рассуждений и о необходимости воспитания всего общества (в частности, посредством музеев), и об ответственности самого общества за развитие образования и науки.

Первое упоминание в печати Дома Пашкова как возможного места размещения нового московского музея появилось, вероятно, в начале 1857 г. [3]. В 1857–1858 гг. была предпринята попытка создания общедоступного музея на базе университетских коллекций. Предложение Московского университета, поддержанное бывшим тогда попечителем Московского учебного округа Е. Ковалевским, было продиктовано не только целью открыть наконец общедоступное культурное учреждение, но и необходимостью для университета получить дополнительные аудитории, переместив принадлежавшие ему коллекции в другое здание. В Москве был дом, на который университет мог претендовать для решения своих проблем, – Дом Пашкова, занимаемый в это время IV гимназией. Она получила на покупку и перестройку данного здания заем от университета, но к концу 50-х годов долг выплачен не был, и в ближайшем будущем его погашение не представлялось возможным. В связи с этим было предложено возвратить университету сам дом, с выплатой последним гимназии суммы, достаточной для обустройства ее в другом, более скромном помещении. Разрешение от министра народного образования было получено, но никаких дополнительных средств для воплощения этой идеи выделено не было. У самого же университета на тот момент не хватило средств на покупку для гимназии подходящего дома.

К этому проекту вновь обратился сменивший Е. Ковалевского на посту попечителя Московского учебного округа Н. Исаков. С 1859 г. он разворачивает крупномасштабную кампанию, пытаясь заручиться как поддержкой представителей государственных структур, так и частных лиц, выясняя возможность передачи отдельных экспонатов и коллекций из других учреждений. Поворотным моментом в деле основания первого публичного музея Москвы стало знакомство Н. Исакова летом 1860 г. с докладной запиской заведовавшего Румянцевским музеем в Петербурге В. Одоевского.

Музеум графа Н. Румянцева, переданный после смерти своего основателя его братом государству, влачил в это время жалкое существование. Речь шла даже не об отсутствии возможности пополнения коллекций, а об угрозе физического уничтожения собрания, размещавшегося

в разрушающемся от времени здании. В 1860 г. В. Одоевский предпринял очередную попытку спасти музей. В составленной им записке предлагалось три варианта вывода музея из кризисного состояния: перевод музея в Москву, с тем чтобы он положил основание Московской публичной библиотеке (с продажей принадлежавших ему домов в Петербурге и покупкой на эти деньги дома в Москве); передача всего музея (и зданий, и коллекций) одному из ученых обществ; ассигнование музею необходимой для восстановления его зданий суммы (с обязанностью для него выплатить ее в течение нескольких лет) [4]. Назначенная для освидетельствования домов музея комиссия пришла к выводу, что дальнейшее существование музея в том состоянии, в котором он находится, невозможно. Однако «простейшим и удобнейшим средством» решения проблемы она сочла передачу рукописей и книг Румянцевского музея в Публичную библиотеку, а остальных коллекций в Эрмитаж, что означало полную ликвидацию этого учреждения [5]. Не известно, как решилась бы судьба музея, если бы не деятельное вмешательство попечителя Московского учебного округа, обращения которого в самые разные инстанции склонили чашу весов в пользу варианта, предусматривающего перевод музея в Москву. Решение о переводе Румянцевского музея не изменило, а, скорее, расширило планы Н. Исакова, чей замысел создания в Москве публичного музея был поистине грандиозен и в чем-то перекликался с проектами начала XIX в. членов Румянцевского кружка В. Вихмана и В. Аделунга по созданию всеобъемлющего национального музея [6]. В записках Н. Исакова, которые он направлял московскому генерал-губернатору, министру императорского двора, императрице Марии Александровне, основание музея предстает «важнейшей потребностью Москвы» и делом государственного значения [7]. В плане Н. Исакова как будто переплелись все выдвигаемые ранее, но так и не воплощенные проекты создания в Первопрестольной общедоступных музеев (русских давностей, художественного, естественно-научного) и публичной библиотеки. В состав нового учреждения должны были войти Румянцевский музей, коллекции Московского университета, частные коллекции, надеялся он и на то, что император соизволит передать в московский музей какое-либо число книг из загородных дворцов и хотя бы 20–30 картин из складов в Таврическом дворце [8].

Следует отметить, что Румянцевский музей был ценен не только своими коллекциями. При передаче музея государству братом Н. Румянцева вместе с собранием были переданы и два дома в Петербурге, с тем чтобы как они сами, так и доход с них употреблялся не на что иное, как

на содержание музея. Вырученные после продажи этих домов деньги смогли бы обеспечить, хоть и в малой степени, существование музея и в другом городе. Известие о возможном переносе Румянцевского музея сдвинуло дело с мертвой точки. Московским генерал-губернатором было принято решение о ежегодном выделении музею 3 тыс. руб. серебром из городских доходов, о своем желании содействовать московскому музею сообщили великие княгини Елена Павловна и Ольга Николаевна, некоторые частные лица. Было дано разрешение на объявление надбавки на каждый номер «Московских ведомостей». Н. Исакову пришлось приложить еще немало усилий, чтобы, обойдя все бюрократические препоны, довести дело до конца. О нем вспоминают не так часто, как о Н. Румянцеве, хотя вклад Н. Исакова в дело основания Московского публичного музея позволяет считать его одним из основателей этого учреждения.

По утвержденному в 1862 г. положению музей имел довольно сложную организацию: под одной крышей и под единым управлением находились Румянцевский музей, сохранявший «всю свою целость, отдельность и наименование», и Московский публичный музей, образовавшийся из различных кабинетов и коллекций, «как приобретаемых в собственность, так равно и вверяемых ему только на общественное пользование различными лицами». Особое место (как в плане финансирования, так и в плане управления) в музее занимали коллекции, принадлежавшие Московскому университету [9]. Требование положения о сохранении «целости» Румянцевского музея плохо сочеталось с возможностью его дальнейшего роста, тем более под одной крышей с Московским публичным. По сути, если считать эти музеи разными учреждениями, то говорить можно лишь о пополнении коллекций Московского публичного музея и консервации Румянцевского в неизменном виде по переносе его в Москву. Но более верным кажется взгляд на них как на единое целое. (Далее в тексте при упоминании музея автор использует единственное число или часть официального названия).

Одним из важнейших пунктов положения был тот, по которому предписывалось доставлять в Московский публичный музей «по одному экземпляру всего, что в России печатается, гравировается и литографируется, по какому то ни было ведомству» [10]. Это распоряжение поднимало библиотеку музея на новый, очень высокий уровень, обеспечивая стабильное приращение ее фондов. К сожалению, это было единственной гарантией дальнейшего роста музея: деньги на пополнение собраний музея государством не выделялись вплоть до 1912 г. [11]. Средства же самого музея, на которые он мог совершать покупки, были чрезвычайно

скудны. Основным источником пополнения коллекций музея на всем протяжении его существования были дары: от частных лиц, учреждений, научных и художественных обществ. Социальный состав его жертвователей был очень разнообразен: ученые, сановники, купцы, крестьяне, гимназисты. Как отмечалось в одном из журналов, «в создании и обогащении Музея принимали участие лучшие люди страны... частный почин и общественная инициатива положили основу и вскормили это учреждение, а поэтому Музей воистину может считаться предметом нашей национальной гордости» [12]. (Приобретение крупных собраний с личного разрешения императора уплатить за них из сумм государственного казначейства было, скорее, исключением из правил. Подобные поступления, сделанные по личному распоряжению императора, будь то покупка или передача из другого учреждения, рассматривались в отчетах музея как дар, в связи с чем как сам император, так и члены императорской фамилии, нередко назывались в числе первых и значительнейших жертвователей).

В первые годы в московском музее сложилось восемь отделений:

- 1) рукописей и редких книг; 2) печатных книг (собственно библиотека); 3) изящных искусств и давностей; 4) христианских давностей; 5) минералогическое; 6) зоологическое; 7) нумизматическое; 8) этнографическое [13].

Сложная структура музея обуславливалась несколькими причинами. Во-первых, фундаментом московскому музею послужили разнообразные коллекции пришедшего из Петербурга Румянцевского музея. В Москву пришло не только само собрание Румянцева, но и неосуществленные проекты грандиозного национального музея членов его кружка В. Вихмана и В. Аделунга, подхваченные Н. Исаковым. «Общерусский национальный» характер музея подразумевал комплектование его отделений преимущественно отечественными памятниками, что, впрочем, не исключало наличие в его собрании и памятников «иностранных», призванных дать общее представление о развитии мирового искусства или быте жителей самых отдаленных уголков Земли. Но главное, что повлияло как на первоначальную структуру музея, так и на его дальнейшее развитие, – это заинтересованность широких кругов общества в существовании того или иного отделения. В Москве возникли отделения, не существовавшие в петербургском музее (например, отделение изящных искусств или отделение христианских давностей). Основание музея в Москве было вызвано не необходимостью изменить положение Румянцевского музея, а ответом на местные потребности.

Произошло не простое перенесение коллекций из одного города в другой: в Москве было создано принципиально иное учреждение, с установкой превращения его в крупный культурный центр. Позже, в конце XIX в., М. Веневитинов напишет: «Как яркое свидетельство глубокого сознания русским обществом своих просветительных задач, как первый пример общественного почина в сохранении драгоценных сокровищ прошлого и настоящего, Румянцевский музей только в Москве нашел благодарную почву для выполнения своего прямого назначения» [14]. Общественная поддержка выражалась не только в пополнении собрания музея. Известнейшие ученые и коллекционеры принимали непосредственное участие в работе музея: описании коллекций, их оценке, реставрации и даже, через участие в деятельности Совета музея, решении вопросов его дальнейшего развития. (Среди прочих можно назвать И. Забелина, Ф. Буслаева, Д. Ровинского, Н. Баснина и др.).

Преобразования во внутреннем составе музея происходили на протяжении всего периода его существования, менялся состав и наименование его подразделений. Коллекции музея пополнялись стремительно, что достаточно скоро привело к проблемам с их размещением. Уже в 1864–1865 гг. «за недостатком помещения в зданиях музея» и «по причине большего удобства для преподавания» минералогический и зоологический кабинеты университета были перенесены в здание последнего [15]. Нумизматическое отделение в 1860-х годах вошло в состав отделения изящных искусств и давностей. После образования в 1867 г. Дашковского этнографического музея, вошедшего в состав Московского публичного и Румянцевского музея, в последнем значилось семь отделений: рукописей и славянских старопечатных книг; библиотека; изящных искусств и давностей; давностей доисторических, христианских и русских; Дашковский этнографический музей; иностранной этнографии и минералогическое. (Со временем два этнографических отделения были объединены в одно, предметы по русской и иностранной этнографии составили в нем соответствующие отделы). В 1899 г. из-за прогрессирующей проблемы с помещениями советом музея было принято решение о передаче минералогического собрания на хранение университету (с сохранением собственности на него за музеем) [16]. Это решение было воплощено в жизнь в 1900 г. [17].

В начале XX в. музей состоял из пяти отделений: библиотека, отделение рукописей, отделение изящных искусств, этнографическое, отделение давностей. Сокращение их числа не было следствием угасания учреждения, его структура с годами приобретала более строгий и упорядоченный

вид. По сравнению с поступившей в начале 60-х годов коллекцией Румянцевского музея к 1912 г. количество экспонатов его отделений увеличилось в десятки, а некоторых – и в сотни раз [18]. Каждое из отделений достигло размеров, соответствующих уровню самостоятельных профильных учреждений. Собрания Московского публичного и Румянцевского музея были исключительны по своему энциклопедическому составу, и в этом отношении музей являлся единственным подобным учреждением. В начале XX в. самое полное в стране собрание по российской этнографии находилось в Москве, в Дашковском этнографическом музее, входившем в состав Московского публичного. Библиотека не только не знала себе равных в Москве, но и была второй по величине общедоступной библиотекой страны после Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. (Первенство последней было обусловлено не только более ранним моментом возникновения, но и несоизмеримо большей финансовой поддержкой правительства). Отделение давностей, хотя и утратило к этому времени то значение, которое имело в 60–70-е годы, и, безусловно, уступало своими коллекциями Историческому музею, обладало рядом поистине уникальных экспонатов, отсутствовавших в собраниях крупнейших профильных музеев. Что же касается собрания по «иностранной археологии», то лишь коллекция Московского публичного музея в рассматриваемый период могла, при обеспечении благоприятных условий дальнейшего развития, заложить в Москве основу фундаментального собрания по этому направлению [19]. Отделение изящных искусств, задумывавшееся изначально как собрание копий, которое могло бы дать представление о развитии трех основных направлений изящных искусств – архитектуры, скульптуры и живописи, превратилось в самобытнейший и значительный музей оригинальных произведений искусства. Наибольшего расцвета достигли два его отдела – картинная галерея и гравюрный кабинет. При этом в картинной галерее обозначилась некоторая «специализация»: русская живопись XVIII – первой половины XIX в. и старая западноевропейская живопись. («Явление Христа народу» А. Иванова, «Портрет В. Державиной» В. Боровиковского, «Кружевница» В. Тропинина, «Автопортрет» К. Брюллова, «Сватовство майора» П. Федотова, «Чаепитие в Мытищах» В. Перова – вот лишь немногие из шедевров русской живописи, украсивших залы Румянцевского музея. Познакомиться же с основными школами западноевропейской живописи в Москве можно было лишь в его стенах).

За 50 лет пребывания в Москве музей превратился в общепризнанный культурный центр, один из крупнейших и известнейших музеев России.

Как говорилось в одном из приветствий по случаю этой даты, «невероятно тяжелые условия жизни не помешали ему заслужить высокую общественную признательность и занять почетное место в истории русской культуры» [20]. В связи со своим юбилеем музей получил более 300 приветственных телеграмм, в том числе и от императора, который желал музею навеки поддерживать «славу одного из величайших русских рассадников знания во благо истинного просвещения» [21].

Изначально работа музея строилась на основе изучения передового отечественного и зарубежного опыта. К началу же XX в. и сам музей начал приобретать характер своеобразного научно-методического центра, отвечая на запросы родственных ему учреждений. В него обращались за рекомендациями при устройстве школьных и иных музеев, Дашковский музей послужил образцом для ряда провинциальных музеев и Этнографического отделения Русского музея. И. Цветаев и Н. Романов стояли у истоков создания музея изящных искусств. Через своих представителей Румянцевский музей принимал участие в работе Особого комитета по устройству музея 1912 г., комиссии по вопросу исследования русской кустарной промышленности при Московском губернском земском собрании, комиссии, избранной Московской городской думой для подробного осмотра художественных произведений Городской художественной галереи им. П. М. и С. М. Третьяковых и т. п.

Просветительная функция для Московского публичного и Румянцевского музеев являлась одной из главнейших сторон его деятельности. Такая направленность проявлялась уже в построении экспозиции, а именно: в стремлении сотрудников музея совместить два основных принципа – высокий научный уровень и доступность. Социальный состав его посетителей был очень разнообразен. Один из очевидцев писал: «Целые семейства ходили по обширным залам музея. Тут видали мы и чиновников, и офицеров, и купцов, и простонародье, и женщин, и детей; словом, людей всякого звания, возраста и пола» [22]. С годами музей не терял своей привлекательности, напротив, число посетителей неуклонно возрастало. При этом его залы привлекали не только москвичей: в музей приезжали из самых отдаленных уголков страны, и он по праву мог считаться не только московским, но и российским культурным центром. В залах музея проводили занятия со своими учениками как учителя школ, так и профессора университета. Занятия со студентами постоянно проводились в минералогическом и зоологическом отделениях, до их переноса. А скульптурное отделение вплоть до открытия Музея изящных искусств обладало единственными в Москве образцами, по которым читались

лекции студентам Московского университета по определенным разделам истории искусств [23]. Параллельно с лекциями проводились занятия со студентами историко-филологического факультета и в отделе гравюр [24]. Воспитанниками средних и низших учебных заведений в большей мере посещалось этнографическое отделение, в залах которого некоторые преподаватели географии «с большим успехом делали опыты преподавания соответственных отделов этой науки своим слушателям именно при посещении ими упомянутого музея; другие с таким же успехом применяли вынесенные из музея юношеством этнографические сведения при объяснении классных уроков» [25]. При этом Румянцевский музей выступал одним из «флагманов» развития и совершенствования экскурсионной деятельности музеев в стране. Отделение изящных искусств стало практической школой для учеников живописи и молодых художников, которые занимались в его залах копированием работ великих мастеров. Этнографическое отделение служило «образовательным институтом» для воспитанников Строгановского училища технического рисования и Школы живописи, ваяния и зодчества, которые, «занимаясь в нем снятием рисунков, приучались к точному воспроизведению русских типов, костюмов, русских орнаментов, архитектуры и т. п.» [26]. Часто к коллекциям музея обращались и преподаватели рукоделия, и представители мастерских по производству товаров в народном стиле. В Картинной галерее, Гравюрном кабинете, Этнографическом отделении среди многих любителей можно было встретить живописцев первой величины, делавших эскизы для своих композиций: В. Сурикова, В. Серова, Г. Мясоедова, В. Борисова-Мусатова, Л. Пастернака и др. Музей не раз оказывал содействие театральным деятелям и композиторам. (В частности, к материалам музея обращались при подготовке таких постановок, как опера А. Бородина «Князь Игорь», драмы А. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» и А. Островского «Дмитрий Самозванец»). В стенах музея было подготовлено немало как популярных очерков, так и научных трудов. Среди их авторов можно назвать таких маститых ученых, как Ф. Буслаев, И. Срезневский, Н. Тихонравов, В. Ключевский, В. Городцов, Д. Анучин и многих других. Коллекции московского музея привлекали не только российских, но и иностранных исследователей. Проекты реставрационных работ или проекты новых храмов в давнерусском или византийском стиле редко осуществлялись без обращения к коллекциям отделения давностей (один из ярчайших примеров – проведение работ по восстановлению Грановитой палаты в ее первоначальном убранстве).

Московский публичный и Румянцевский музей был ценен не только своими богатейшими собраниями. Он и сам был своеобразным памятником – памятником общественному почину в деле сохранения и изучения культурного наследия, отражением истории развития отечественного музейного дела за целое столетие. В его стенах бережно сохранялись не только памятники искусства и старины, но и память о многих собирателях этих сокровищ, пожертвовавших их «на благое просвещение».

Список использованных источников

1. Московские ведомости. – 1862. – № 98. – 5 мая. – С. 780.
2. Письмо из Москвы // Русский инвалид. – 1862. – № 112. – 22 мая. – С. 379.
3. Современная летопись Русского вестника. – 1857. – № 1–2. – С. 65.
4. ОР РГБ. Ф. 352. К. 3. Ед. хр. 9. С. 9–11.
5. Там же. Ед. хр. 10. С. 8.
6. *Аделунг В. П.* Предложение об учреждении Русского национального музея / В. П. Аделунг // *Сын Отечества*. – 1817. – № 14. – С. 54–75; *Вихман В. Г.* Российский отечественный музей // *Сын Отечества*. – 1821. – № 33. – С. 289–310.
7. Архив РГБ. Оп. 1. Д. А 3. Л. 36.
8. Архив РГБ. Оп. 1. Д. А 3. Л. 155.
9. Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г. – СПб., 1864. – С. 145.
10. Там же. – С. 147.
11. Отчет Московского публичного и Румянцевского музея за 1912 г. – М., 1913. – С. 37–41.
12. Библиотекарь. – 1913. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 41.
13. Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г. – С. 11.
14. Торжественное заседание в память графа Н. П. Румянцева, 3 апреля 1897 г. – М., 1897. – С. 8.
15. ОР РГБ. Ф. 23. К. 10. Ед. хр. 2. С. 12, 19.
16. Архив РГБ. Оп. 1. Ед. хр. 588. Ч. I. Л. 18 об. – 20.
17. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1900 г. – М., 1901. – С. 11.
18. См.: МИБ РГБ. Оп. 30. Ед. хр. 556; Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве: 1862–1912: ист. очерк. – М., 1913. – С. 1.
19. Архив РГБ. Оп. 1. Ед. хр. 588. Ч. III. Л. 46–46 об.

20. Юбилей Московского Публичного и Румянцевского Музея // Библиотекарь. – 1913. – Т. 4. Вып. 1. – С. 41.
21. Отчет Императорского Московского и Румянцевского музея за 1913 г. – М., 1914. – С. 5.
22. Письмо из Москвы // Русский инвалид. – 1862. – № 112. – 22 мая. – С. 378.
23. *Цветаев И.* Объяснения по делу ревизии Музеев, бывшей в марте месяце сего 1909 г. / И. Цветаев. – М., 1909. – С. 8.
24. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1898 г. – М., 1899. – С. 31.
25. Материалы для проекта нового устава и штата Московского публичного и Румянцевского музеев. – М., 1872. – С. 32.
26. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 гг. – М., 1884. – С. 135.